

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ М. И. АРТАМОНОВА

Среди тех, кто строил советскую археологию, почетное место принадлежит Михаилу Илларионовичу Артамонову.

Вторая половина 20-х и первая половина 30-х годов (1926—1935) — вот то десятилетие, которому суждено было впервые увидеть каркас нового научного здания. Если попытаться отобрать десять работ, опубликованных в это десятилетие и сыгравших наиболее значительную роль в формировании новой научной школы, то среди них, наряду с работами А. В. Арциховского, А. Я. Брюсова и С. В. Киселева, посвященными социологической интерпретации орудий, жилищ и поселений и отражению социально-экономических формаций в археологическом материале, наряду с работой П. П. Ефименко о женских статуэтках как показателе определенных общественных отношений и работами В. И. Равдоникаса и Е. Ю. Кричевского, направленными против миграционизма, наряду с книгами П. Н. Третьякова и А. П. Круглова — Г. В. Подгаецкого, давшими первые марксистские концепции исторического развития первобытного общества крупных районов нашей страны, необходимо назвать статью М. И. Артамонова «Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками» (1934).

В этой статье М. И. Артамонов впервые использовал материалы первобытных могильников для реконструкции форм семьи и этапов родового строя с помощью этнографических параллелей и на базе марксистского учения о путях и законах развития первобытного общества. Дискуссия, порожденная этой статьей, продолжается по сей день. В ходе этой дискуссии некоторые выводы М. И. Артамонова были поставлены под сомнение, но основные принципы разработанного им подхода к проблеме оказались плодотворными и воздействие их можно проследить в работах многих советских и иностранных ученых¹. Статья принесла Артамонову широкую известность в археологическом мире. Через несколько месяцев ему без защиты диссертации была присвоена ученая степень кандидата наук.

¹ См., напр., J. Maringer. Menschenopfer, ein Bestattungsbrauch Alteuropas. «Anthropos», Freiburg (Schweiz), 37—40 (1942—1945), 1945, 1—3, стр. 1—112; В. С. Сорокин. Новые археологические данные к вопросу о развитии древней семьи. СА, 1959, 4, стр. 10—18; L. S. Klejn. Reiche Katakombengräber. EAZ, 1967, 4.

Ко времени выхода в свет этой статьи, всего восьмой по счету в списке его научных работ и всего пятой, если считать только археологические, исследователю шел 36-й год. Это уже никак не первая молодость. За плечами пролегла бурная жизнь, наполненная событиями и делами, из которых на археологию приходилась, пожалуй, не самая яркая и заметная доля.

М. И. Артамонов родился 23 ноября (5 декабря по новому стилю) 1898 г. в деревне Выголево Весьегонского уезда Тверской губернии (ныне Калининская область) в крестьянской семье. Девяти лет переехал в Петербург, где отец устроился работать на заводе. Учился уже в городе — окончил начальную школу, затем четырехклассное училище, а к экзаменам на аттестат зрелости готовился на общеобразовательных курсах. По тем временам это было незаурядное образование для сына рабочего, недавнего крестьянина; оно позволило шестнадцатилетнему юноше поступить на «чистую» работу — конторщиком в страховое общество. Школьная дружба ввела Михаила Артамонова в круги прогрессивной петербургской интеллигенции, и эта среда немало способствовала формированию его интересов. Едва Михаилу Артамонову исполнилось 18 лет, он был призван в армию — шла первая мировая война. Февральская революция застала его в Гдове. Очень уж, правда, молодого, но образованного и энергичного питерского солдата однополчане избирают членом Совета солдатских депутатов (это была его первая выборная должность, а их ему предстояло немало в последующие 50 лет). Вскоре восемнадцатилетний солдат является уже секретарем дивизионного комитета на Северном фронте и фактически вместе со своими товарищами по комитету командует полками в тяжелых боях с немцами: идет Октябрь 1917 г., солдаты изгоняют офицеров и берут власть в свои руки. Первая руководящая должность Михаила Артамонова, пожалуй, была самой беспокойной, а первыми его твердый характер и организаторский талант оценили его товарищи — солдаты. Вскоре, однако, новому государству способности Артамонова понадобились на другом участке.

В конце 1917 г. Артамонова отзывают в Петроград: Советская власть национализировала банки, надо сломить саботаж старых служащих — фронтовик Артамонов направляется в бывший Международный банк. Вот где пригодился опыт скромного конторщика страхового общества!

В конце 1918 г., переболев тифом, Артамонов уезжает на родину, в Тверскую губернию, и вскоре там, в городе Красный Холм в уездном Совете становится заведующим внешкольным образованием. Он создает там Бюро по изучению местного края, входит в контакт с этнографом Д. А. Золотаревым и увлекается древнерусским искусством, особенно архитектурой и живописью.

В 1919 г. Артамонов становится в том же районе учителем и заведующим школой II ступени в селе Рашково. 50 лет назад в сельской школе началась педагогическая деятельность будущего профессора М. И. Артамонова. Но сразу же стало ясно: чтобы учить, надо еще много учиться. Среднего образования явно не хватало.

В 1921 г. сельский учитель возвращается в Петроград и поступает сразу в два вуза: ВХУТЕМАС (пробует свои силы в живописи) и в Археологический институт. Когда же институт присоединяют к университету, Артамонов оказывается студентом университета. Особенно много он занимается в семинарах профессоров Н. П. Сычева, Д. В. Айналова, А. А. Спицина, А. А. Миллера. Года через два оставляет ВХУТЕМАС и сосредоточивает свои усилия на археологии.

В 1924 г. Артамонов получает диплом об окончании Ленинградского университета по факультету общественных наук (отделение археологии и истории искусств). На сей раз его оценили уже ученые и прежде всего научный руководитель, Н. П. Сычев. Способного выпускника оставили в университете младшим ассистентом, а вскоре перевели на работу в

ГАИМК. В 1926 г. он поступил в аспирантуру ГАИМК, по окончании которой в 1930 г. был зачислен в штат Академии старшим научным сотрудником.

Первый раз в научную экспедицию Артамонов попал еще студентом в 1922 г., но это была не археологическая, а этнографическая экспедиция (с Д. А. Золотаревым на Верхнюю Волгу), в археологической же экспедиции он оказался впервые только в 1927 г. уже 30-летним аспирантом, а первую самостоятельную экспедицию провел в 1929 г.

Таков был человек, который в 1934 г. опубликовал статью о совместных погребениях и вошел с нею в число основоположников советской археологии. Он был уже не молод, а основные свершения ждали его впереди. Впрочем, не его одного. Время было такое, что у людей, которым на роду было написано лидировать в науке, долго не доходили руки до такой науки, как археология. А. Я. Брюсов вошел в археологию 40 лет от роду, А. Ю. Якубовский — 38 лет...

Право быть названным в ряду создателей советской археологической науки М. И. Артамонов заслужил не только тем, что положил один из краеугольных камней в фундамент ее теоретического здания, но и своей последующей деятельностью — организаторской и научной.

С 1938 г. он стал руководителем головного археологического учреждения страны — Института истории материальной культуры (впоследствии Институт археологии) АН СССР и работал на этом посту до 1945 г., в 1940 г. он вступил в ряды КПСС. Именно в этот период институтом были основаны два из трех главных продолжающихся изданий по археологии, существующих ныне в нашей стране: к «Советской археологии» (выходящей с 1936 г.) присоединились «Краткие сообщения...» (с 1939 г.), «Материалы и исследования по археологии СССР» (с 1940 г.). Тогда же под его редакцией был подготовлен двухтомный труд «История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства», в котором им были написаны многие главы. Это был первый опыт создания советской академической истории нашей страны. Издать эту книгу массовым тиражом помешала война, но небольшое количество экземпляров было отпечатано (макет), разослано по научным учреждениям и долго служило читателям.

С 1951 по 1964 г. М. И. Артамонов был директором Эрмитажа — крупнейшего музея страны. За это время многие эрмитажные экспозиции были модернизированы и стали образцами, по которым реорганизовывались экспозиции других музеев; при Эрмитаже было создано издательство и налажен выпуск «Археологических сборников» (с 1959 г.) вдобавок к «Сообщениям» (выходившим с 1940 г.).

В 1948—1951 гг. М. И. Артамонов был проректором Ленинградского университета и исполнял обязанности ректора. С 1949 г. по настоящее время заведует кафедрой археологии в Ленинградском университете. Сейчас это один из нескольких университетов СССР, где есть кафедры археологии, и единственное учебное заведение, в котором археология преподается с I курса по наиболее широкой программе, как основная профессия.

Научные интересы М. И. Артамонова в археологии чрезвычайно широки. Изучение палеолита — вот, пожалуй, единственная отрасль археологии, которой М. И. Артамонов не занимался. Среди тем, которые он разрабатывал, и вопросы методики исследований, и история средств передвижения, и проблема происхождения и расселения индоевропейцев, и, конечно, степные курганы, материалам которых была посвящена упомянутая статья. Исследователь проводил и раскопки таких курганов (на Маньчже в 1935 и 1937 гг.). Эти раскопки по сути открыли предкавказскую катакомбную культуру и ввели в науку материалы, к изучению которых затем не раз обращались советские и зарубежные археологи.

Но больше всего увлекали М. И. Артамонова три крупные проблемы.

Первая из них, вошедшая в круг его интересов со времени первой экспедиции на Дон и ставшая темой его первой монографии, — это история хазар и других поздних кочевников, населявших степи юга европейской части СССР: болгар, аваров, венгров, половцев и т. п. Монография была опубликована в 1937 г. («Очерки древнейшей истории хазар»). С этой темой были связаны полевые исследования Волго-Донской (Саркелской) экспедиции под начальством М. И. Артамонова (1934—1936, 1939, 1949—1951). По размаху работ эта экспедиция в послевоенные годы была самой крупной в СССР и одной из крупнейших в мире. В ней впервые начались в широком масштабе опыты по применению землеройных машин на раскопках. Три тома работ Волго-Донской экспедиции уже вышли в свет, еще один запланирован. Тем временем М. И. Артамонов опубликовал серию статей по результатам полевых исследований и историко-археологических изысканий, завершившуюся изданием в 1962 г. фундаментального труда «История хазар». М. И. Артамонов создал и обосновал оригинальную концепцию истории хазарского каганата — одного из первых государственных образований на территории Восточной Европы, установил его границы и открыл культуру хазар. Основные выводы М. И. Артамонова, подвергавшиеся ожесточенной критике в 50-х годах, выдержали проверку временем и новыми фактами².

Вторая из трех проблем — история скифов — вошла в круг интересов М. И. Артамонова позже, в предвоенные годы. Ее разработка стала докторской диссертацией исследователя, которая была защищена в 1941 г. и опубликована в виде серии статей уже после войны — в конце 40-х — начале 50-х годов. М. И. Артамонов предложил новую карту расселения скифских племен, разработал идею о происхождении скифов от носителей срубной культуры и дал интересную социологическую интерпретацию Геродотовых известий о скифах в связи с археологическими материалами. Широкий отклик нашла выдвинутая М. И. Артамоновым гипотеза о сложении скифского звериного стиля в странах Передней Азии во время скифских походов. Скифское искусство служит объектом неутомимых изысканий М. И. Артамонова до сих пор. Недавно в Праге вышла его монументальная исследовательская публикация «Сокровища скифских курганов» (1967), переведенная на многие европейские языки. М. И. Артамонов проводил и раскопки памятников скифского времени, но не в степной Скифии, а в лесостепных районах, где жили оседлые племена (Немировское и Григоровское городища). Этот выбор связан с попытками отыскать среди скифских племен Геродота возможных предков восточных славян.

Происхождение славян и их расселение — вот третья из проблем, привлечших к себе наибольшее внимание ученого. Интерес к древнерусской культуре, к славянским древностям был присущ М. И. Артамонову с самого начала его работы в науке: первая научная статья М. И. Артамонова, опубликованная в 1926 г. и связанная с участием в Верхневолжской этнологической экспедиции, называлась «Постройки Краснохолмского района», за ней последовали статья о фресках XII—XIII вв. и анализ миниатюр Кенигсбергской летописи. На этом этапе в интересе М. И. Артамонова к славянским древностям преобладала тяга к предметам изобразительного искусства — архитектуры и живописи. Иногда он и позже возвращается к этой тематике («Мастера Нередицы», 1939), но с течением времени в его занятиях славянскими древностями ставятся более общие исторические вопросы («Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе», 1935; «Средневековые поселения на Нижнем Дону», 1935; «Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси», 1940). После войны, с 1946 г. все более заметное место

² См. ред. В. В. Мавродин. ВЛГУ, 1963, № 2, стр. 145—148; Я. А. Федоров. ВИ, 1963, 3, стр. 146—150; С. А. Плетнева. СА, 1963, 3, стр. 279—283; С. Станчев. Археология (София), год 5, 1963, 3, стр. 93—95; J. F. Archeologické rozhledy, 14, 1962, 6, стр. 867—868.

в научной продукции М. И. Артамонова начинают занимать работы, специально посвященные вопросам происхождения и расселения славян («Венеды, негры и будины в славянском этногенезе», 1946; «К вопросу о происхождении восточных славян», 1948; «Происхождение славян», 1950; и др.). Эта серия завершилась недавно большой обобщающей статьей «Расселение восточных славян и советская археология», напечатанной в сборнике «Проблемы всеобщей истории» (Л., 1967).

С самого начала непосредственного обращения к этой проблеме М. И. Артамонов занял особую позицию среди советских ученых, выступая — чем дальше, тем более резко и отчетливо — против доминировавшей у нас точки зрения об автохтонном однолинейном развитии славян от энеолита на землях Поднепровья и о раннем заселении лесной полосы славянами. Вначале М. И. Артамонов отказался от принятого тогда у нас изолированного изучения этногенеза в границах Украины и обратился к анализу генетических связей древних культур Украины с очагом становления западного славянства — Повисленьем. Затем он подверг развернутой критике аргументы автохтонного развития славянства на Украине. Далее М. И. Артамонов одним из первых отказался от включения черняховской культуры в славянский этногенез и первым восстановил в правах вопрос о ее преимущественно готской атрибуции. Наконец, показал необоснованность утверждений о славянской принадлежности зарубинецкой культуры и вообще о достоверности славянских памятников ранее VI в. н. э. Имея в виду проблему происхождения славян, в сборнике, посвященном 60-летию М. И. Артамонова, я писал, что «позиция М. И. Артамонова по этому вопросу в ходе острой научной дискуссии приобретает с каждым годом все большее число сторонников среди ученых»³. Ныне, десять лет спустя, это стало еще более очевидным, ибо один из ведущих научных противников М. И. Артамонова в этом вопросе выступил в печати с признанием краха старой концепции.

Научные работы М. И. Артамонова легко узнать, даже не глядя на подпись автора. *Ex ungue leonem*. У него нет аморфных, рыхлых, пустых статей — статей по случаю, без стержня, без новой мысли, без нового результата. В основе каждой статьи непременно лежит свежая, яркая идея, вытекающая из редкостного наблюдения незамеченной другими связи явлений. Изысканная, изящно отточенная аргументация, веская и лаконичная, изложена всегда простым и немного старомодным в своей серьезной обстоятельности языком. Трудности не скрыты, не обойдены, сомнениями автор откровенно делится с читателем. В работах исследователя нет места для личных выпадов, обид, внимания к мелким уколам самолюбия, но нет и снисходительности к ложным взглядам, коль скоро выяснено, что они таковы, нет оглядки на чье-либо возможное недовольство, на угрозу неприятностей, нет боязни резкого научного конфликта. Бывало, что исследователь заблуждался, но от искреннего и горячего увлечения. Ему всегда были чужды сторонние для науки расчеты. В исследованиях им руководит благородное стремление открыть историческую истину, ибо он уверен, что именно метод исторического материализма обеспечивает это и обязывает к этому и что только этот результат нужен народу. Широта и смелость взглядов М. И. Артамонова, его прямота и принципиальность всегда привлекали к нему симпатии молодежи, и, несмотря на внешнюю холодность, сдержанность и неприступность, он по сей день окружен учениками.

Возможно, что виновато исключительное многообразие его интересов и занятий, но он не создал своей школы, если под школой иметь в виду единый отряд исследователей, разрабатывающих в одном направлении по одним принципам идеи своего учителя. Однако учеников он воспитал мно-

³ Научная деятельность М. И. Артамонова. «Исследования по археологии СССР». Сборник статей в честь профессора М. И. Артамонова, Л., 1961, стр. 6.

жество, и они работают, пожалуй, во всех отраслях археологии, которыми занимался сам М. И. Артамонов.

Историю хазар и других поздних кочевников разрабатывают доктора исторических наук Л. Н. Гумилев и С. А. Плетнева, скифские и сарматские памятники изучают кандидаты исторических наук В. А. Ильинская, В. П. Шилов. Доктор исторических наук И. И. Ляпушкин известен своими фундаментальными исследованиями культуры ранних славян и детальным обоснованием тезиса об отсутствии преемственности между полями погребений и культурой исторических славян. Культуру древнерусских городов изучают кандидаты исторических наук В. Д. Белецкий, З. А. Львова и др. Культуры энеолита и бронзового века исследуют кандидаты исторических наук А. Д. Столяр, Г. И. Смирнова, В. Д. Рыбалова и др. В Болгарии работает А. Иванов, в Венгрии — И. Эрдейн и Д. Газдапустаи.

Профессору М. И. Артамонову, действительному члену Польской академии наук, почетному члену Шотландского общества антиквариев, действительному члену Германского археологического института и т. д., исполняется 70 лет. В подобных случаях принято говорить, что юбиляр встречает эту дату в полном расцвете творческих сил, и это всегда неправда. Я не хочу и не могу унижать своего учителя такой неправдой; он в ней не нуждается. Расцвет был поздним и сильным, но он позади. Сделаны главные труды всей жизни. Правда же заключается в том, что в свои 70 лет М. И. Артамонов работает. Он трудится много и упорно в своем кабинете, не доделывая и перелицовывая старые разработки, а поднимая новые темы, прорабатывая новые материалы. Он регулярно, без скидки на возраст, читает лекции в университете, неся полную нагрузку — все, что положено профессору. Он ведет заседания кафедры и после многочасового прослушивания студенческих отчетов о практике закрывает заседание близко к полночи все тем же звучным и бодрым голосом, лишь нехотя уступая жалобам вконец обессиленных коллег. Он каждое лето выезжает в экспедицию.

Мы ждем от М. И. Артамонова новых работ, мы знаем, что они будут, как всегда, богаты мыслями, важны и интересны. И как прекрасно, что это можно сказать о человеке, который вместе с другими корифеями создавал нашу науку, который трудился полвека и которому сегодня — 70 лет!

Л. С. Клейн